

ПРИЗРАК
ПО
КОНТРАКТУ

Ксения Елютина

Ксения Елютина

Призрак по контракту

«Автор»

2026

Елютина К.

Призрак по контракту / К. Елютина — «Автор», 2026

Что делать, если ты умер, но так и не обрел покой. Элиас Гробовский знает ответ. Шестьдесят лет он скитается бесплотной тенью, одержимый метафизическим Голодом, пока под колесами автомобиля не погибает молодой опер Андрей Морозов. Ухватившись за шанс снова почувствовать вкус жизни, призрак вселяется в бездыханное тело. Но вместо временного убежища он получает сломанные ребра, чужую невесту с невероятно цепким взглядом и «в нагрузку» душу самого Андрея, которая отказывается уходить навсегда. Теперь в одном теле вынуждены уживаться два детектива: циничный призрак из прошлого и упрямый идеалист из настоящего. Вместо долгожданного отдыха Элиас оказывается втянут в опасное расследование, которое Андрей не успел закончить. Когда по твоему следу идет бессмертное зло, а собственное тело вот-вот пойдет вразнос, выбора не остается: придется объединиться. Ведь чтобы остановить монстра, нужна не просто пуля, а жертва, на которую способен не каждый живой... и не каждый мертвый.

© Елютина К., 2026

© Автор, 2026

Ксения Елютина

Призрак по контракту

Призрак по контракту

Предисловие

Думаю, стоит начать с того, что я мёртв. Да-да, я знаю – начало истории так себе, но что поделаешь. Стоит заметить, что в моей смерти нет никакой драмы – одни сухие факты: родился, учился, женился, состарился, умер. Ну, казалось бы – умер и умер. По правде сказать, я такого же мнения, но что-то пошло не так.

Полагаю, необходимо представиться. Меня зовут – или звали, кому как удобнее, – Элиас Гробовский. Фамилия забавная, даже нелепая, будто специально придуманная для какого-нибудь второсортного детектива. И сейчас, когда моё тело уже столько лет гниёт в гробу, а я топчу своими бесплотными ногами метафизическую землю, я понимаю весь абсурд ситуации. Тогда, при жизни, я об этом даже не задумывался. Тогда я был детективом – с потрёпанным портфелем, вечной кружкой остывшего чая на столе и верой в то, что каждое дело можно распутать, если хорошенько подумать. А сейчас... не знаю.

Скончался я без малого 60 лет тому назад, без лишних злоключений, как и водится для 58-летнего служаки. Помню тот вечер до мелочей: пришёл домой к жене и уже повзрослевшим отпрыском, отужинал – жареная картошка с солёными огурцами, как всегда по четвергам, – и отправился спать. Лёг, подумал о том, что завтра нужно закончить отчёт по старому делу, улыбнулся чему-то своему и... просто не смог проснуться. На этом и жизнь, и история должны были подойти к логичному завершению. Но я не знаю, что я сделал или не сделал, какие дела не завершил – может, тот отчёт так и остался незаконченным, – но теперь вынужден скитаться по миру, наблюдая за течением времени, которое больше не имеет ко мне отношения.

Сам я, по описанию окружающих, при жизни был мужчиной среднего роста, сухощавым, с вечно нахмуренными бровями и глубокими морщинами у рта – следствие многолетней привычки поджимать губы, размышляя над очередным запутанным делом. Волосы, ещё до смерти тронутые сединой, я зачесывал назад, чтобы не мешались, и носил простые очки в металлической оправе, которые сейчас, в моём бесплотном состоянии, стали лишь частью смутного образа

Где-то в середине своего путешествия я осознал, что могу вселяться в людей и жить их жизнью, но только короткое время. Это было похоже на пробуждение от долгого сна: я вдруг почувствовал, что могу прикоснуться к живому человеку, скользнуть в его сознание, занять место на задворках его мыслей. Поначалу это были мгновения – секунды, минуты. Я ощущал биение чужого сердца, слышал шум крови в ушах, видел мир чужими глазами. Но потом тело отторгало меня, и я вновь оказывался в своей бесплотной оболочке.

Чтобы оставаться дольше, мне необходима пища. Но какая пища нужна – я не подозревал. Голод был не физическим, а каким-то глубинным, метафизическим. Он напоминал тоску по чему-то утраченному, по ощущению цельности. Я пробовал подпитываться эмоциями – страхом, радостью, гневом. Но это давало лишь краткий прилив сил, словно глоток воды в пустыне. Мне нужно было нечто большее.

Я пытался вспомнить, что осталось незавершённым в моей жизни. Может, я не успел сказать жене что-то важное? Или не довёл до конца то самое дело с отчётом? Но память, как назло, подводила – обрывки воспоминаний расплывались, словно чернила в воде. И вот, спустя десятилетия бесплодных скитаний, я начал замечать закономерности. Чем сильнее эмоции человека, чем ярче его желания и стремления, тем дольше я могу в нём удерживаться. Но даже это помогало лишь на время. Словно я был тенью, которая ищет, к чему бы прицепиться.

С этого и начинается моя история.

Глава 1. Неожиданный попутчик

Блуждая по осенней Москве, я увидел зелёного опера – как их сейчас называют. Он шёл быстро, чуть сутулясь, сжимая в руке бумажный стаканчик с кофе. Ветер трепал его куртку, срывал листья с деревьев, а он, казалось, не замечал ни холода, ни красоты увядающего города. Что-то в нём зацепило меня: то ли упрямый взгляд, то ли манера держаться – будто весь мир против него, а он всё равно идёт вперёд. Внешность у него была под стать характеру: русые волосы вечно растрёпаны, будто он только что снял форменную фуражку и забыл причесаться. Серые глаза смотрели устало, но цепко, а на квадратной челюсти уже пробивалась щетина, которую он, судя по всему, брил наспех, раз в три дня. Был он чуть выше среднего роста, с широкими плечами и той особой поджарой крепкостью, что выдает либо бывшего спортсмена, либо человека, привыкшего к постоянной физической нагрузке.

Его звали Андрей Морозов, старший лейтенант полиции. Двадцать семь лет, холост, живёт один в маленькой квартире на окраине. Любит чёрный кофе без сахара, терпеть не может бюрократию и всегда носит в бумажнике старую фотографию родителей и Катя... С большими карими глазами, в которых, даже на снимках, светилось тепло и какая-то трогательная забота. На вид – хрупкая, но Андрей по своим воспоминаниям знал: характер у неё стальной. Я узнал всё это за год наблюдений – не спеша, осторожно, словно детектив, собирающий улики. Около года я просто следил за ним, размышлял, стоит ли мне поразвлечься и воспользоваться его жизнью хотя бы на пару дней. Наблюдал, как он работает, спорит с начальством, звонит кому-то по вечерам – судя по тону, девушке. Видел, как хмурится, читая документы, как нервно теревит край стола, когда дело заходит в тупик. Он был живым. Настоящим. И от этого ещё более притягательным.

Но случилось неожиданное. В тот день он гнался за очередным закладчиком – тот выскочил из подъезда с пакетом, бросился через дорогу, петляя между машинами. Оперативник не отставал: перепрыгнул через низкий забор, выругался, когда подвернул ногу, но всё равно бежал. А потом – резкий гудок, визг тормозов, глухой удар... Я застыл, приклеенный к асфальту. За шестьдесят лет я видел много смертей – от тихих, в больничных палатах, до громких, под колесами поездов. Но эта... эта была особенной. Не потому, что я знал этого парня. А потому, что в тот самый миг, когда его тело ударилось об капот, я перестал чувствовать Голод. Впервые за десятилетия. Будто кто-то выключил рубильник. А потом Голод вернулся – в сто раз сильнее, требуя не просто эмоций, а именно ЭТО тело, именно ЭТУ душу, которая сейчас отделялась от плоти. Я замер, не веря своим глазам. Всё произошло так быстро: визг тормозов, глухой удар, вскрик прохожих – и вот уже толпа собирается вокруг неподвижного тела в зелёной куртке.

«Ну вот и всё, – подумал я. – Интересная личность, говоришь? Теперь она стала ещё интереснее... для меня».

Я подошёл ближе, с интересом наблюдая за развитием событий. Люди суетились, кто-то вызывал скорую, кто-то пытался оказать первую помощь. Но я-то знал: ему уже не помочь. Душа вот-вот покинет тело, и у меня будет всего несколько мгновений, чтобы занять освободившееся место.

Страх не было. За шестьдесят лет посмертного существования я научился чувствовать эти моменты – тонкую грань между «ещё жив» и «уже нет». Воздух вокруг раненого сгустился, приобрёл странный металлический привкус. Время замедлилось, звуки стали глухими, словно доносились сквозь толщу воды. Я ощутил знакомое покалывание в пальцах – верный признак того, что граница миров истончилась. Я сделал шаг вперёд, сосредоточился и нырнул в ледяную реку. Вселение никогда не было простым "входом". Это была борьба. Я ощутил, как тело Андрея отторгает меня – мышцы сводило судорогой, сердце билось в диком ритме, пытаюсь вытолкнуть чужака. Его душа, еще не успевшая уйти, металась внутри, как птица в клетке, и

билась о мою бесплотную сущность. Это было больно. Очень больно. Я чувствовал его страх, его последнюю мысль о Кате, его сожаление, что не успел, не доделал... Я впитал это всё, как губка, и в этот момент Голод отступил окончательно. Я занял место. Я стал им. Я лежал на холодном асфальте и смотрел в серое московское небо, затянутое низкими облаками. Окна панельных домов смотрели на меня равнодушными квадратами, в каждом горел свет – сотни, тысячи чужих жизней, которым не было до меня никакого дела. Где-то сигналила машина, кто-то кричал, вызывая скорую, вдалеке завывала сирена. Город жил своей привычной, равнодушной жизнью. Он не заметил, что один из его жителей только что умер и воскрес в чужом теле. Москве было всё равно

Ощущение было сродни прыжку в ледяную воду. Резкий вдох – и вот я уже лежу на асфальте, слышу над собой встревоженные голоса, чувствую боль в боку и странное гудение в висках.

– Он пришёл в себя! – воскликнул кто-то.

Я приоткрыл глаза. Надо мной склонились двое: седовласый мужчина в очках и молодая женщина с тревожным взглядом. Их лица расплывались, но я уловил главное – искреннюю заботу.

– Как вы себя чувствуете? – спросила она.

Я попытался ответить, но вместо слов вырвался хрип. Зато в голове зазвучали чужие воспоминания: погони, допросы, отчёты, запах кофе – этой бурды из дешёвой забегаловки возле участка, из пакетиков «3 в 1», жуткая мерзость как на запах, так и на вкус.

«Так, – подумал я, – значит, это и есть тот самый опер. Андрей Морозов. Двадцать семь лет, старший лейтенант. Любит чёрный кофе без сахара, терпеть не может бюрократию, а ещё...»

Я попытался сосредоточиться на ощущениях: вот пульсирует рана в боку, вот холодит асфальт под спиной, вот щекочет нос запах осенних листьев, смешанный с выхлопными газами. Мысли путались. Тело реагировало на боль, мозг переваривал чужой опыт, а душа – моя? его? – металась между двумя мирами.

И вдруг – толчок. Изнутри. Словно кто-то толкнулся в стенку, проверяя, есть ли там выход.

Я замер. Прислушался.

Ничего. Только гул крови в ушах.

«Рефлексы, – подумал я. – Тело ещё не поняло, что хозяин ушёл».

Я успокоил дыхание и приказал себе не обращать внимания.

– Нужно срочно в больницу, – с хрипотцой сказал какой-то дед. – У него, похоже, сотрясение и, возможно, перелом ребра, а может даже двух.

На удивление быстро приехала скорая – при расстоянии между нами примерно в четыре дома, всего минут за 20. Меня осторожно подняли на носилки. Пока везли в машине скорой, я пытался осмыслить произошедшее. Впервые я вселился не в живого человека, а в только что умершего – или ещё не совсем умершего, но уже на грани. И что-то подсказывало: это изменит всё.

В голове всплывали обрывки воспоминаний Андрея: утренний поцелуй девушки («Если она осталась у меня...»), папка с нераскрытым делом на столе. Последнее зацепило особенно – дело о пропавших закладчиках. Тот самый наркоман, за которым он гнался перед аварией, был ключевой фигурой.

«Значит, у меня теперь есть цель, – усмехнулся я про себя. – И не одна».

Но главное – я наконец понял, какая «пища» мне нужна. Не еда, не деньги, не эмоции... А душа. Чужая душа. Это открытие леденило. Значит, все эти годы я был не просто скитальцем. Я был охотником. Голод, который я принимал за тоску по жизни, был голодом по чужим жизням. И сейчас, удерживая тело Андрея, я уже начал потихоньку поглощать его. Но что-то было не

так. Обычно, когда я вселялся в живых лишь на миг, я чувствовал лишь поверхностный слой эмоций. Сейчас же я погружался в него всё глубже. Я чувствовал его любовь к Кате как свою, его усталость от работы – как свою. Я переставал быть просто квартирантом. Я становился им.

Теперь я ощущал это отчётливо: с каждым воспоминанием, с каждой эмоцией, промелькнувшей в сознании Андрея, во мне пробуждалась сила. Слабая, но вполне ощутимая. Словно я подзаряжался от самой сути его существования. Боль отступала, мысли прояснялись. Я начал осознавать границы нового тела: его привычки, страхи, даже профессиональные рефлексы. Рука сама потянулась к нагрудному карману – проверить, на месте ли удостоверение.

«Что ж, – подумал я, глядя в окно машины скорой, за которым мелькали огни вечерней Москвы, – посмотрим, что можно сделать с этой жизнью. А заодно разобраться с этим делом – похоже, оно куда серьёзнее, чем кажется на первый взгляд».

В этот момент я почувствовал странное шевеление внутри – будто что-то древнее и тёмное пробудилось во мне. Оно шептало: «Ты на верном пути, Элиас. Но будь осторожен. Цена может оказаться выше, чем ты думаешь». Я сжал кулаки. Впервые за шестьдесят лет посмертия у меня появилась цель. И пусть я не знал, к чему это приведёт, одно было ясно: моя история только начинается.

Машина скорой помощи мчалась по улицам Москвы, мигая проблесковыми огнями. Я лежал на носилках, пытаюсь осмыслить происходящее. В голове крутились обрывки воспоминаний Андрея – яркие, живые, почти осязаемые. Вот он в детстве ловит бабочек в парке, вот впервые надевает полицейскую форму, вот получает своё первое дело... Каждое воспоминание отдавалось во мне слабым эхом силы, словно крошечная искра, подпитывающая моё бесплотное существо.

– Держись, парень, – похлопал меня по плечу фельдшер, склонившийся надо мной. – Уже почти приехали.

Я кивнул, стараясь не выдать своего замешательства. Тело Андрея реагировало на боль, но эта боль уже не казалась мне чуждой. Я начинал сливаться с ним – его привычки становились моими, его страхи – моими страхами, его цели – моими целями.

«Так, – подумал я, – теперь я должен сыграть роль Андрея Морозова. И сыграть убедительно. Иначе всё пойдёт прахом».

В больнице меня сразу повезли на рентген. Врачи суетились вокруг, задавали вопросы, на которые я отвечал машинально, пользуясь воспоминаниями Андрея. Его голос, его манера говорить, даже привычка слегка потирать переносицу, когда он нервничал, – всё это теперь принадлежало мне.

– Перелом ребра, сотрясение, – констатировал врач, изучая снимки. – Ничего критичного, но пару дней полежать придётся.

Я изобразил облегчение.

– А когда можно будет вернуться к работе? – спросил я, стараясь, чтобы голос звучал обеспокоенно.

Врач усмехнулся:

– Тебя машина сбила, а не лилипут на самокате. Работа подождёт. Сначала нужно поправиться.

Меня поместили в палату на двоих. Сосед, пожилой мужчина с загипсованной ногой, сонно взглянул на меня и тут же отвернулся к стене. Я остался один на один со своими мыслями.

Вытащив из кармана куртки телефон Андрея, я разблокировал его. Несколько непрочитанных сообщений от коллеги: «Братан, ты где? Дело стынет», «Отзовись, брат, тут без тебя никак», «Если это шутка, то плохая», «Ну и где ты? Тебя что, трамвай переехал?»

«Ну почти, угадал», – подумал я, продолжая проверять телефон.

Я задумчиво провёл пальцем по экрану. Значит, дело о пропавших закладчиках действительно важно. И, похоже, без Андрея его не распутать.

«Что ж, – усмехнулся я про себя, – раз уж я занял его тело, придётся заняться его работой. Надеюсь, это будет занимательно и хорошенько меня позабавит. Давно я не занимался любимой работой».

Я закрыл глаза, пытаюсь сосредоточиться. В сознании всплывали детали дела: фотографии, отчёты, схемы. Андрей успел собрать немало информации.

И вдруг – сон. Не мой. Чужой.

Маленький мальчик бежит по парку, ловит бабочек, смеётся. Рядом женщина, молодая, красивая. Мать. Она что-то говорит, но слов не слышно – только тепло и безопасность.

Я дёрнулся, открыл глаза.

Сердце колотилось где-то в горле.

«Что это было?»

Память Андрея. Но не просто воспоминание – живое. Настоящее. Такое, что у меня (у меня!) защипало в носу.

Я осторожно, кончиками пальцев, коснулся этой памяти внутри себя. Она отозвалась тихим, детским всхлипом.

«Ты... ты там?» – мысленно спросил я.

Тишина.

«Показалось», – снова соврал я себе. И поверил.

Внезапно я ощутил новый приступ того странного голода. Он был сильнее, чем раньше, – не просто тоска, а острая потребность в чём-то. В памяти всплыли слова: «Душа. Чужая душа». Теперь я понимал, что имел в виду тот шёпот. Чтобы оставаться в теле Андрея дольше, мне нужно будет подпитываться его энергией. Но сколько это продлится? И что произойдёт, когда его душа окончательно исчезнет?

«Нельзя терять время, – решил я. – Нужно разобраться в этом деле как можно быстрее. И попутно понять, как вернуть всё на свои места – или хотя бы найти способ существовать, не уничтожая других».

На тумбочке рядом с кроватью лежал блокнот Андрея, который, по всей видимости, лежал у него в кармане. Открыв его, я увидел на последней странице запись: «Наркотики – лишь верхушка айсберга. За всем этим стоит кто-то гораздо крупнее. И он знает, что я близок к разгадке». Я перечитал фразу ещё раз. Кровь застыла в жилах – не моих, а Андрея. Кто бы ни стоял за этим делом, он опасен. И теперь он будет искать не просто полицейского, а полицейского, который каким-то образом выжил после аварии.

«Отлично, – подумал я с горькой усмешкой. – Теперь у меня не просто цель. У меня есть враг. И, кажется, он уже знает, где меня искать».

Я положил блокнот на место и посмотрел в окно. За стеклом медленно опускались осенние листья, а в голове роились мысли. Что ждёт меня дальше? Смогу ли я распутать это дело? И главное – что произойдёт, когда я узнаю правду? Надеюсь, это тело не убьют окончательно. Оно мне нравится.

Но одно я знал точно: пути назад нет. Я сделал свой выбор, когда вселился в тело Андрея Морозова. Теперь мне предстоит пройти этот путь до конца – каким бы он ни был.

Глава 2. След в зеркале

Следующие несколько дней я провёл в больнице, изучая материалы дела через глаза и память Андрея. Чем глубже погружался в расследование, тем отчётливее понимал: пропавшие закладчики – лишь верхушка айсберга. За ними стоял кто-то гораздо крупнее, кто методично убирал всех, кто мог вывести на его след.

Я восстановил хронологию:

Во-первых, три месяца назад – исчезновение первого парня с крупной партией товара. Официальная версия – сбежал с деньгами, но сомневаюсь, что 19-летний парень додумался бы до такого.

Во-вторых, через две недели – второй случай: машина с водителем найдена у реки, следов тела нет, словно растворился.

В-третьих, месяц назад – третий пропал после встречи с неизвестным в кафе «У моста». Записи с камер таинственно исчезли в тот же день.

И в-четвёртых, последняя неделя – Андрей вышел на след: нашёл свидетеля, который видел, как пропавших забирали в чёрный микроавтобус, и больше их никто не видел.

Ключевой фигурой оказался Виктор Краснов – мелкий посредник и куратор, который знал слишком много. Именно за ним гнался Андрей перед аварией. Только как он его нашёл и что он там забыл – может, вербовал очередную жертву – не понятно. Почему я сорвался к нему сразу после выписки? Адреналин? Профессиональная привычка? Нет. Всё было проще и страшнее. Мной двигал Голод. Я уже ощутил вкус чужой жизни, и мне нужно было "дозаправиться". Дело Андрея давало мне цель, а эмоции, связанные с этим делом, давали мне силу. Краснов был не просто свидетелем. Он был источником

Выписавшись из больницы, я – теперь уже полностью отождествивший себя с Андреем Морозовым – отправился к Краснову. Его адрес был в записной книжке: старая однушка на окраине города, доставшаяся ему по наследству от двоюродной тётки. Не знаю, появится ли он там, но стоит попробовать.

Приехав на место, я оглядел обветшалое, потемневшее от времени строение. Такой же подъезд, по углам подкрашенный кое-где светло-зелёной меловой красочкой, что не улучшало вид, а наоборот удручало. Хотя было чисто: вымытые полы и стены. Этому клоповнику не помешал бы капитальный ремонт, ну или снос на крайний случай.

Добравшись до третьего этажа пешком – потому что из двух лифтов многоэтажки работал один, да и то, как мне показалось, со скрипом, – я позвонил в указанную в блокноте квартиру. Дверь открыл сам Краснов .

Это был тщедушный мужичонка лет сорока, с впалой грудью и бегающими, вечно мокрыми глазками, глубоко посаженными в бледном, осунувшемся лице. Жидкие русые волосы прилипли ко лбу, а руки, которыми он вцепился в дверной косяк, мелко дрожали. Он узнал меня (точнее, тело Андрея) и попятился.

– Ты... ты же должен был... я же видел... – пролепетал он, жадно хватая ртом воздух.

– Выжить? Ты это хотел сказать? – закончил я за него. – Да, как видишь. Твоими молитвами, Вить. Скажи честно, ты же молился за моё здоровье? Теперь нам с тобой предстоит долгий разговор по душам.

Он попытался захлопнуть дверь, но я успел поставить ногу в проём. В этот момент я впервые осознанно использовал свою способность – не просто вселяться, а показывать. Я не планировал этого. Это был инстинкт. Когда я схватил его за плечо, Голод внутри меня взвыл, требуя пищи. Но вместо того, чтобы просто высосать его досуха (как, подозреваю, сделал бы тот, другой, со склада), я сделал нечто иное. Я открыл шлюзы. Я перестал быть Элиасом, запёртым в теле Андрея. Я позволил Краснову войти в себя... или я вошел в него? Граница стерлась.

Я посмотрел ему прямо в глаза и пустил кадры его жизни:

Детский дом, где он научился воровать, где почти ежедневно его избивали и травили сверстники;

Первая сделка – страх и азарт;

Жена, которая верила в него, пока он не втянулся в эту грязь, пока не стал агрессивным параноиком;

Дети, которые перестали узнавать отца;

Страх, который стал его постоянным спутником.

Это было похоже на просмотр старой, грязной киноплёнки, но в формате 5D. Я не просто видел это – я чувствовал запах той казенной каши в детдоме, вкус первой сигареты, горечь от слез жены. Но главное – я чувствовал, как от этого зрелища тает мой собственный Голод. Я питался не жизнью Краснова, я питался его очищением. Чем больше боли и правды я в него вливал, тем сильнее становился сам.

Краснов замер, словно окаменев. Его глаза расширились, по щеке скатилась слеза.

– Что... что это... зачем это? – прошептал он.

– Это ты, – тихо сказал я. – Вся твоя жизнь. Ты думал, что забыл её, но она здесь, внутри. И она кричит о том, что ты мог быть другим.

Я не стал убивать Краснова. Вместо этого я сделал то, что теперь понимал как свою истинную силу: я показал ему всю его жизнь, все его выборы, все последствия. И когда он увидел себя настоящего – жалким, потеряннным, но всё ещё способным на что-то хорошее, – я оставил только оболочку. Его тело осталось, но душа... душа очистилась. Он сел на стул, уставившись в одну точку, и больше не реагировал ни на что. Врачи потом скажут – «кататонический ступор», но я знал правду: я освободил его от груза, который он нёс. Теперь он свободен. По-настоящему ему больше не больно и не страшно, больше никогда не будет страха, и больше он никого не обманет, не предаст, никому не причинит вреда. А потом я его отпустил. И тут же рухнул.

Нет, не в прямом смысле – я устоял. Но ноги подкосились, пришлось схватиться за дверной косяк. В глазах потемнело, а в ушах зазвенело. Из носа на рубашку закапало густая, тёплая кровь.

«Твою ж дивизию», – подумал я старомодно и вытерся рукавом.

Руки тряслись. Всё тело трясло, как в лихорадке. Сила, которой я наполнился из Краснова, теперь гуляла по мне, искала выход, жгла изнутри. Я чувствовал её – чужую боль, чужой страх, чужую тоску – они стали моими. И это было тяжело. До рвоты тяжело.

Я стоял, вцепившись в косяк, и ждал, когда перестанет трясти.

А где-то там, внутри, в самой глубине, кто-то пошевелился. Не застонал, не всхлипнул – просто вздохнул. Тихо, еле слышно. Я замер. Прислушался к себе.

Ничего. Только гул и слабость.

«Сердце, – подумал я. – Просто сердце сбилось с ритма».

Я отлепился от косяка, нашарил в кармане Краснова флешку и пошёл к выходу, стараясь не шататься.

В кармане Краснова я нашёл флешку – ту самую, которую он должен был передать заказчику. На ней были: записи переговоров, фотографии встреч, имена – настоящие имена тех, кто стоял за всем этим. Среди них было одно, от которого кровь застыла в жилах.

Глеб Сергеевич Ветров. Начальник управления собственной безопасности. Человек, которому по долгу службы полагалось охотиться на «котов» в погонах, а не покрывать наркотрафик. Человек, который на прошлой неделе лично пожимал руку Андрею на планерке, хвалил за раскрываемость и обещал скорое повышение.

В памяти Андрея тут же всплыл образ этого человека: гладко выбритый, с аккуратной дорогой стрижкой и холодными, ничего не выражающими глазами цвета балтийской воды. Ветров был высок, подтянут, носил безупречно сидящие костюмы и имел привычку во время разговора поправлять золотые запонки на манжетах, словно проверяя, на месте ли они.

– Ну надо же, какие люди, – прошептал я, чувствуя, как внутри Андрея всё сжимается от шока. – Какой высокопоставленный крот.

Я убрал флешку во внутренний карман куртки. Теперь она стала самой опасной вещью в Москве. Ветров – это не просто «крупная шишка». Это человек, который имеет доступ к любой информации, к любому местонахождению своих людей. Он уже пытался убрать Андрея, подослав к нему Краснова с заданием, которое обернулось погоней и аварией. Узнав, что опе-

ративник выжил, Ветров наверняка занервничает. А нервный начальник СБ – это смертельно опасный противник.

Я взглянул на застывшую фигуру Краснова. Он сидел на дешёвом стуле посреди захлавленной кухни, глядя в стену невидящими глазами. Вокруг него, как зловещие трофеи, громоздились горы немой посуды, окурки в консервной банке, пустые бутылки. Воздух был спёртым, тяжёлым. Я не чувствовал к нему жалости. Только лёгкое презрение и странное удовлетворение от хорошо проделанной работы. Я не убил его. Я стёр его.

Я вышел из квартиры, прикрыл за собой дверь и остановился в подъезде. Внизу, где-то далеко, хлопнула дверь, запел лифт, зашуршали шаги. А я стоял и смотрел на свои руки – руки Алексея, которые больше не дрожали.

«Я освободил его, – подумал я. – От страха. От вины. От всех выборов, которые он сделал неправильно.»

Но внутри было пусто. Не голод, нет – та самая пустота, которая была со мной шестьдесят лет. Только теперь она стала другой. Раньше я искал, чем её заполнить. Теперь я понял: я могу наполнять ею других.

Я смотрел на дверь, за которой осталась оболочка человека, и впервые за долгое время не мог сказать себе, правильно ли поступил. Имел ли я право? Кто дал мне эту власть – выбирать за другого, что такое свобода?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.